

интересам территориального расширения державы и сферы ее идеологического влияния» (с. 297).

В восьмой главе «Советско-западногерманские отношения» речь идет о западногерманском векторе внешней политики СССР в период существования двух германских государств — ФРГ и ГДР. Этот вектор определялся общим состоянием международной обстановки, зависел от климата отношений между СССР и США и от «состояния связей в треугольнике ФРГ—ГДР—СССР» (с. 314).

Девятая глава «Воплощенная мечта или жесткая необходимость?» повествует о деятельности Советской военной администрации в Германии (СВАГ), а также об отношениях между СССР и ГДР с 1949 по 1989 гг. Октябрьская революция 1989 г. в ГДР ознаменовала завершение эры Э. Хонеккера, начало последнего этапа в отношениях между СССР и ГДР, продолжавшегося до исчезновения «первого в мире социалистического немецкого государства» с политической карты мира.

Десятая глава названа «Советский Союз и германский вопрос». Историк доводит германский вопрос до его логического решения: подписания 12 сентября 1990 г. Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии. Этот договор, давший «зеленый свет» объединению Германии, соответствовал национальным интересам СССР.

В одиннадцатой главе «Россия и Германия в постбиполярном мире» автор показывает, что «став принципиально новыми субъектами международного права, постсоветская Россия и объединенная Германия... прошли период адаптации друг к другу» (с. 475). После адаптации прослеживалась поступательность

в двусторонних отношениях, достигнутая благодаря отличным личным отношениям между объединителем Германии федеральным канцлером Г. Колем и первым российским президентом Б. Н. Ельциным. После ухода обоих исторических деятелей с политического Олимпа развитие двусторонних отношений напоминало движение по ступенькам вниз. «Украинский кризис и присоединение Россией Крыма привели к ... сворачиванию германо-российского межгосударственного диалога... фактически мы стали свидетелями перестройки двухсторонней структуры отношений между Россией и Западом», — отмечает автор (с. 511).

Заключение книги названо «Россия и Германия — несостоявшийся альянс». Историк убежден: «Итог оказался нулевым. Россию не то, что не удалось адаптировать, но даже приблизить к евроатлантической цивилизации. Не получилось выстроить и шкалу совместных ценностей» (с. 541). Однако в отношении перспектив российско-германского сотрудничества автор испытывает оптимизм: «Для плодотворного взаимодействия наших стран и народов у нас имеется богатый исторический опыт и достаточно прочный запас терпимости и уважения при всем различии национальных характеров» (с. 549).

Монография Н. В. Павлова, без сомнения, заинтересует исследователей-германистов, дипломатов, студентов-международников.

М. В. Стрелец,

доктор исторических наук, профессор
Брестского государственного технического
университета
(Республика Беларусь)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: ОПЫТ И УРОКИ НА БУДУЩЕЕ (памяти профессора А. И. Борозняка). Материалы международной научной конференции 16–17 февраля 2017 г. Липецк: ГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского», 2017, 300 с.

Составителям сборника научных статей по результатам конференции памяти А. И. Борозняка (1933–2015)¹ удалось выполнить трудную задачу: объединить воспоминания об известном российском историке-германисте Александре Ивановиче Борозняке с результатами деятельности сообщества германистов так,

чтобы получился целостный результат. Тема, которой посвящен сборник, — преодоление прошлого в Германии и России, — была одной из главных в творчестве историка.

Тема исторической памяти актуальна и популярна как методологический подход и как постановка вопроса, однако далеко не исчерпана. События новейшей истории были столь экстраординарными, что их осмысление требует духовной работы нескольких поколений.

¹ *Вашкау Н. Э., Хавкин Б. Л.* Александр Иванович Борозняк: историк и время. Новая и новейшая история, 2017, № 4.

Особый пример травматических переживаний XX в. — история Германии и России, которые разделили между собой участие в мировых войнах, взлет и падение тоталитарных государств и многократные переломы в историческом развитии. В книге показан уникальный пример сотрудничества двух стран в освоении общего прошлого.

Эта тема отражена в сборнике в двух основных блоках: воспоминания об А.И. Борозняке его друзей, коллег и учеников, и научные исследования в сфере исторической памяти. Причем воспоминания об ученом являются не меньшим достижением, чем исследовательская часть издания. Они соединяют творчество и человеческие качества А.И. Борозняка в единую картину гармоничной личности. Об этом пишут в приветственных словах секретарь Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, заместитель директора Института всеобщей истории РАН к.и.н. В.В. Ищенко и директор Германского исторического института в Москве д-р Н. Катцер. Из статей о жизни и деятельности историка складывается картина развития германистики в России за несколько десятилетий XX—XXI вв.

К.и.н. М.П. Лаптева (Пермский государственный национальный исследовательский университет) начинает разговор о творческом пути А.И. Борозняка в статье «Александр Борозняк: штрихи к интеллектуальной биографии». Речь идет о том, из чего складывался духовный мир историка, как зарождались его творческие идеи. Как и другим ученым, поиск ответа на вопросы давался А.И. Борозняку нелегко. Однако любовь к истории в широком ее понимании — как свидетельству жизни, и невероятное трудолюбие позволяли ему преодолеть трудности творческого поиска. Одна из основных трудностей состояла в том, что А.И. Борозняк как человек, опережавший свое время, видел цель развития историографии в полноценном и взаимовыгодном диалоге между российскими и германскими историками. В то же время, во многих сферах исторической германистики состояние исследований не сразу вышло на новый уровень, требуя непростых решений от ученого. Так, например, работая над осмыслением историографии ГДР, историк долго искал путь «между Сциллой (жесткого неприятия) и Харибдой (оправдания)», и здесь он также наметил пути, по которым пойдут последующие поколения историков.

Д.и.н., проф. Б.Л. Хавкин (РГГУ, «Новая и новейшая история») на основании концепции А.И. Борозняка разработал новое определение понятия Сопротивления и рассмотрел

в своей докторской диссертации его внешнеполитические проявления, о чем Б.Л. Хавкин пишет в статье «Тема немецкого антигитлеровского Сопротивления в творчестве А.И. Борозняка». Д.и.н., проф. Б.В. Петелин (Череповецкий государственный университет) в статье «Вологда в жизни и научной деятельности Александра Ивановича Борозняка» и д.и.н., проф. В.Л. Черноперов (Ивановский государственный университет) в статье «А.И. Борозняк и ивановские германисты: краткая история отношений и некоторые результаты совместной работы» рассказывают о бережном и внимательном отношении А.И. Борозняка к коллегам.

М.Н. Орлова, член Правления «Копелев-Форум» (Кёльн), в статье «Переписка с профессором А.И. Борозняком», рассказывает, как он работал над рукописью своих произведений, как в диалоге с коллегами выработывал взвешенную позицию. Александр Иванович был не только исследователем, но и преподавателем. Его ученики А.М. Кожевникова из Новороссийска (статья «По волнам исторической памяти: уроки истории А.И. Борозняка»), Н.В. Сухарева из Керчи (статья «Компас моей жизни»), В.М. Костромин из Сочи (статья «Воспоминания об А.И. Борозняке») рассказывают о том, чему они научились у известного профессора. Хотя известен он был своей строгостью, она была продолжением серьезности, с которой А.И. Борозняк относился к науке. Не столько исторический материал, сколько критический подход к окружающему миру, способность ориентироваться в огромных объемах информации, отделять истину от вымысла, но при этом быть эффективным и в других жизненных сферах, — вот чему учил А.И. Борозняк.

Память об А.И. Борозняке как ученом и преподавателе является примером исторической памяти, которую сохраняет сообщество российских и немецких германистов. В этот контекст удачно вписывается исследовательская часть сборника, которая посвящена различным аспектам исторической памяти русских и немцев в XX в.

Дебаты в этой части открывает д.и.н., проф. Н.Э. Вашкау (Липецкий государственный педагогический университет, далее — ЛГПУ), обрисовывая в статье «Историческая память российских немцев как предупреждение современности» новейшую методологию исторической памяти. Этот вопрос возникает в связи с тем, что тоталитарные режимы запрещают не только действия, направленные против системы, но и воспоминания, альтернативные официальным, поскольку плюрализм в любой сфере являет собой угрозу

монополии тоталитарного мировоззрения. Поскольку история — это прожитый опыт, то и взвешенная картина прошлого подразумевает возможность открыто выразить воспоминания о своем опыте для тех групп, которые были лишены этого права, как это было, например, в случае русских немцев.

Возможность и способность опираться на собственный жизненный путь, извлекая из него уроки, признавая его значимым, является ключевой предпосылкой для самостоятельных оценочных суждений, принятия решений. О необходимости развить в человеке и особенно будущем ученом положительные качества, способные сделать его независимым мыслителем, пишет в статье «Проблема исторической памяти в образовательном дискурсе (на примере Вуппертальского проекта Л.З. Копелева» профессор ЛГПУ к.п.н. В.Б. Царькова. Такие традиции сложились в Центре иноязычного образования при Липецком государственном педагогическом институте (университете) под руководством А.И. Борозняка и сохраняются там поныне. О том, что взаимодействие с иноязычными обществами должно строиться на основе равноправного «диалога, взаимодействия, взаимообогащения», пишет в статье «Преодоление европоцентризма как социально-философская проблема» доцент ЛГПУ к. филос.н. С.И. Данковцев.

Итоги научной деятельности сообщества историков-германистов, который сформировался при участии А.И. Борозняка, подробно описаны в статье «Западносибирский центр германских исследований: историография тоталитарного прошлого в Германии и России» д.и.н., профессора Кемеровского государственного университета Л.Н. Корневой.

Традиция сопоставления двух диктатур — сталинской и национал-социалистической — оформилась в 1990-е годы. Сравнения между диктатурами успешно проводятся, в том числе авторами сборника. Дело даже не в том, сколько общих черт может быть найдено между диктатурами и какие различия существовали между ними, а в том, что опыт ключевых европейских катастроф XX в. был для Германии и России общим, следовательно, и преодолевать его можно только вместе. На этой основе возникает то максимальное приближение к истине, которое доступно исторической науке. В целом статья Л.Н. Корневой показывает богатейшую картину развития исторической германистики в России рубежа XX–XXI вв.

Профессор Кемеровского государственного университета д.и.н. О.Э. Терехов в своем анализе национал-социализма и близких к нему течений в статье «Идеология “консервативной революции” и национал-социализм:

проблема “преодоления прошлого” в германской историографии» показал опасность ненаучных обобщений, когда на основе близких терминов всех консервативных мыслителей без должного обоснования объявляют тоталитарными.

Профессор Брянского государственного университета д.и.н. С.В. Артамошин, обозначив сходства и различия режимов сталинского СССР и Третьего рейха, в статье «Национал-социализм и сталинизм: к проблеме сравнительного исследования и преодоления прошлого» заключает, что наличие тоталитарного прошлого не означает в дальнейшем один-единственный путь развития, а требует творческого подхода к преодолению прошлого и построению нового исторического дискурса.

Профессор д-р Б. Бонвеч (ФРГ) в статье «Двойное преодоление тоталитарного прошлого в Германии 1945 и 1990 годов» отмечает, что многие недостатки в преодолении наследия двух диктатур в Германии проистекали из того, что оно диктовалось извне. После 1945 г. — со стороны союзников по антигитлеровской коалиции, оккупантов, после 1990 г. — со стороны победившей во внутригерманском соревновании ФРГ. И в том, и в другом случае у Германии не было альтернативы, кроме как принять предложенную схему. Однако немецкий опыт демонстрирует, какие инструменты оказались наиболее действенными в построении демократии и принятии своего прошлого во всех его противоречиях. Необходимо понимать, что прошлое государства — это также и личное прошлое каждого его гражданина; ответственность за прошлое должны разделить все и каждый. Не случайно концепция Сопротивления, о которой шла речь в рецензии, включает в себя на сегодняшний день любые формы противостояния античеловеческому режиму. Акцент делается на том, что во власти каждого гражданина — сохранять верность гуманистическим ценностям даже в той ситуации, когда это кажется невозможным.

На этом принципе основан новый подход к изучению диктатур, который получил название «новой политической истории». Речь идет о том, что диктатура — это не только действия, которые государство предпринимает по обеспечению лояльности населения, включая насилие и пропаганду. Это и ответ общества государству, различные формы лояльности и адаптации к режиму. Выбирая путь наименьшего сопротивления, человек сам совершает выбор в пользу поддержки режима. Эту простую истину, открытую на основе исследований двух германских и одной российской диктатуры в XX в., следует назвать главным

достижением исторических исследований по предложенной тематике.

Этот вывод делает д-р Ю. Царуски (Институт современной истории, Мюнхен-Берлин, ФРГ) в статье «Выставка “Война на уничтожение” — размышления об изменениях общественной памяти о войне против СССР в Германии, 20 лет спустя». Автор показывает, как после выставок о преступлениях вермахта на Восточном фронте, путешествовавших в 1995–1999 гг. и 2001–2004 гг. по Германии, возобновилась дискуссия о национал-социализме. Когда некоторые, пусть заостренные и неоднозначные, свидетельства о прошлом вошли в столкновение с общепринятой картиной истории, уже, казалось, признанная историческая память оказалась под сомнением, что вызвало неожиданно широкий общественный резонанс. Аналогичные сюжеты затрагивает в своей статье «История сотрудничества на примере германо-русского музея Берлин-Карлсхорст» директор музея д-р Й. Морре (ФРГ).

Последний тематический блок сборника составляют статьи о различных аспектах исторической памяти более ранних времен, которые подчеркивают значение преемственности в вопросах восприятия. Такие темы как «образ немца» (статья «“Веселися, славный

тевт!”: “Немец” и его роли в русской сатире 1917–1918 гг.» с.н.с. Института российской истории РАН к.и.н. Т.А. Филипповой), «образ России» (статья «Образ России в современной немецкой литературе (на примере произведения Ю. Герман “Красные кораллы”)» доцента ЛГПУ к.пед.н. Т.Ю. Васильевой), «образ Своего и Чужого» (статья «“Свой” — “чужой” в смеховой культуре периода Великой Отечественной войны» к.и.н. Е.В. Огарковой, Волгоград), «образ мужчины и женщины» (статья «Гендерные характеристики франкоязычных плакатов времени Второй мировой войны (лингвистический аспект)» к.филол.н. Е.В. Загородневой, ЛГПУ), «образ Родины» («Концепт “Родина” в немецком и русском поэтическом дискурсе» к.филол.н. Л.В. Беленикиной, ЛГПУ) напоминают, что стереотипы формируются и закрепляются в сознании в результате целенаправленных действий и процессов, протекающих по одним и тем же законам. Зная эти законы, можно предвидеть повороты в общественном сознании и способствовать их развитию в направлении плюрализма, гуманизма и созидания.

Т.А. Некрасова,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник истфака МГУ

L. Lüdicke. CONSTANTIN VON NEURATH. EINE POLITISCHE BIOGRAPHIE. Paderborn — München — Wien: Ferdinand Schöningh, 2014, 705 S.

Л. Людикке. КОНСТАНТИН ФОН НЕЙРАТ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ. ПАДЕРБОРН — МЮНХЕН — ВЕНА, 2014, 705 с.

Может ли профессиональный дипломат стать министром иностранных дел? Несомненно. А может ли министр иностранных дел стать политиком? На этот вопрос ответить однозначно значительно труднее, поскольку это зависит не только от личных качеств самого министра и его профессионализма, но прежде всего от характера политического режима, в котором ему приходится действовать. В условиях тоталитарного режима это исключено, поскольку сама его природа не предполагает наличие на авансцене *политиков*, а только *одного* политика. Исходя из этого, барон Константин фон Нейрат *не пожелавший быть* политиком в Веймарской Германии, *не мог* стать им в национал-социалистической Германии. Тем не менее ни он сам, ни его деятельность в качестве первого министра иностранных дел третьего рейха вовсе не были преданы забвению историками, а лишь оттеснены на задний

план, что отражало определенные тенденции в немецкой историографии. Не случайно первая биография Нейрата появилась в Германии спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны, будучи всего второй в мировой историографии¹. Да и количество статей, посвященных его деятельности на посту рейхсминистра, весьма невелико в отличие от посвященных его преемнику на этом посту — Риббентропу. А ведь именно в качестве рейхсминистра Нейрат прежде всего остался в истории.

Об этом и не только приходится задумываться, знакомясь с политической биографией Нейрата, написанной Ларсом Людикке.

¹ Первая вышла почти 40 лет назад: *Heinemann J.L. Hitler's First Foreign Minister. Constantin Freiherr von Neurath, Diplomat and Statesman. Berkeley u.a. 1979.*